

О. В. Авдошкина

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОТряСЕНИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена рассмотрению событий социальных противостояний в обществе, в том числе революционных потрясений и Гражданской войны, через призму анализа произведений художественной литературы. Писатели и поэты гораздо острее, нежели политики и практики, воспринимали любые катаклизмы и с высоты своего творчества пытались осмыслить не только сами события, но и отношение к ним простых людей.

Ключевые слова: революционный процесс, Гражданская война, идейная направленность, художественная литература.

Гражданская война является важнейшим составляющим элементом революционного процесса и закономерным следствием любых социальных (революционных) катаклизмов. Для её возникновения необходимо определённое соотношение политических сил как внутри страны, так и за её пределами. С общечеловеческой точки зрения, Гражданская война в России стала великой исторической драмой народа, поскольку победа одних классов и социальных групп стала поражением и трагедией других.

По этой причине события Гражданской войны, принципиально отличавшиеся от иных социальных потрясений, остро воспринимались современниками и привлекали к себе внимание многих художников слова. Отметим, что это касалось не только российской истории: так, гражданские войны XVIII–XX столетий нередко становились предметом изображения в творчестве таких писателей, как Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Уильям Фолкнер, Эрнест Хемингуэй. Российская Гражданская война тоже давала примеры мужества и героизма, находившие отражение в ярких и талантливых произведениях художественной литературы.

Однако политики и писатели воспринимали революционные потрясения по-разному. И если первые видели в них борьбу прогресса (революции) с регрессом (контрреволюцией), то в представлении творческой интеллигенции всё, что происходило в стране в период с 1917 по 1922 год, трактовалось не иначе как смутой, хаосом, стихией. На это отчётливо указал в своей статье известный писатель Леонид Андреев «Европа в опасности» (июль 1919 г.), видевший в революции бунт: «Начало этому страшному периоду положила

Россия. Сильная, талантливая, но малокультурная и дурно управляемая, она восстала первой и первая всеразрушающий огонь войны перевела в пламя Революции. Это было два года тому назад, в мартовские иды 1917 года, и в тот день она была великой Империей. А ныне — это груда обломков и мусора без названия, кровавый хаос братоубийственной войны, слёзы и гибель миллионов людей, страдания всего народа, Дантевский ад, воплощённый в действительную жизнь.

Кто свершил это страшное превращение? Многие отвечают: Революция. Нет! Это злодеяние свершил Бунт, который родился одновременно с Революцией, уподобился ей на время, украл её лозунги и извратил их, обманул народы — и удушил свободу и всякую жизнь. Трагической борьбой между Бунтом, который яростно нападает, и Революцией, слабо обороняющейся, знаменуются первые революционные месяцы вплоть до того дня, когда в октябрьском тумане и тучах закатилось солнце Революции, победоносный Бунт вступил в управление Россией и настало их царство...

Откуда родится Бунт? Из недовольства своим положением и стремления всего живого к полной и неограниченной свободе. Каковы методы Бунта? Разрушение. Каковы его орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство. Откуда родится Революция? Из недовольства существующим и стремления к большей свободе. Каковы видимые методы революции? Разрушение. Каковы её орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство...» [1].

Однако, постепенно отдаляясь во времени, Гражданская война входила в сознание соотечественников как нечто легендарное и героическое, независимо от принадлежности к стороне конфликта. У страстного сторонника белых Ивана Бунина в его «Окаянных днях» можно прочесть: «И всё наше время станет сказкою, легендой...» [5]. Ему в своём знаменитом «Партизанском гимне» вторил комиссар и красный командир Пётр Парфёнов (Алтайский): «Будут помниться, как в сказке, / Как манящие огни, / Штурмовые ночи Спасска, / Волочаевские дни...» [13].

Постепенно литераторы с собственных позиций обогащали тему Гражданской войны художественными образами. Один из реальных участников событий русской смуты 1917–1922 годов, писатель-эмигрант Гайто (Георгий) Иванович Газданов, в принесшем ему известность автобиографическом романе «Вечер у Клэр» (1930) устами героя, кадрового офицера русской армии, предрекает вполне конкретное будущее такой теме в отечественной литературе. «Если ты останешься жив после того, как кончится

эта резня, — напутствует он юного племянника, волонтера Добровольческой армии, — ты прочтешь в специальных книгах подробное изложение героического поражения белых и позорно-случайной победы красных — если книга будет написана учёным, сочувствующим белым, и героической победы трудовой армии над наёмниками буржуазии — если автор будет на стороне красных» [8].

Социальные потрясения разделили поэтов и прозаиков, но не по степени их дарования, а по идейной направленности. Характеризуя «левое» крыло русской литературы, Александр Фадеев отмечал: «Когда по окончании гражданской войны, мы стали сходитья из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а ещё больше беспартийные молодые люди, — мы поражались тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги “Чапаев”... Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Шолохова... Люди более старших поколений, к которым мы примкнули, в большинстве своём вышли из той же социальной среды; они только начали свой путь раньше нас... Вместе с нашими молодыми книгами старик Серафимович, за плечами которого было уже целое собрание сочинений, написанных в старое время, выпустил свой “Железный поток” — эпопею гражданской войны. Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему» [18].

Принимая непосредственное участие в бурных процессах революционной борьбы, охвативших огромную страну, десятки молодых писателей принесли в литературу революционные вихри, заглянули в самые отдалённые окраины страны, в развороченный революцией мир жизни народа. Именно в этом обстоятельстве и была особая заслуга новой литературы, показавшей жизнь отдельного человека и / или целого региона на фоне эпохальных событий. Созданные поэтами и прозаиками художественные образы отразили не только историческую реальность, но в первую очередь внутренний мир своих творцов и тем самым открыли читателю душевный облик людей, выбравших ту или иную сторону в этом трагическом противоборстве.

Для отечественной историографии вопрос об отражении революционного процесса в литературе и поэзии не является новым. Художественные произведения историки и литературоведы нередко рассматривали в качестве исторического источника [2; 4; 14; 16; 19]. При этом на протяжении всего советского периода при оценке того или иного художественного

произведения, особенно раскрывающего революционную тематику, была характерна оценка с точки зрения их «партийности». Такая литература получала первоочередное право на существование. Однако многие литераторы, в том числе и оказавшиеся в эмиграции, пережив и переосмыслив «хаос революции», рассматривали эту тему через призму «смерти и возрождения» России. Достаточно вспомнить знаменитое стихотворение Владислава Ходасевича «Путём зерна», написанное им в 1917 году:

*Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю чёрную оно упасть должно.*

*И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрёт и прорастёт.
Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она.*

*И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путём зерна.*

И это только то, что лежит на поверхности. При вдумчивом, серьёзном анализе художественной литературы, посвящённой истории Гражданской войны, возникают вполне резонные вопросы: что двигало авторами при разработке образов героев их произведений, как эти герои «вписывались» в идеологические установки того времени, какую логику событий можно увидеть в конкретном произведении, оправдались ли революционные ожидания автора и его героев.

Гражданская война на Дальнем Востоке в силу отдалённости региона от центра, его слабозаселённости, особенностей расстановки социальных и политических сил, близости крупных держав была самой продолжительной в России. События на дальневосточной окраине бывшей Российской империи также нашли своё отражение в повестях и романах многих авторов, но хотелось бы остановиться на знаковых произведениях двух писателей — Виктора Кина (Суруикина) «По ту сторону» и Дмитрия Нагишкина «Сердце Бонивура».

Виктор Павлович Кин (настоящая фамилия — Суруикин) (1903–1938) [7; 12] — прозаик, журналист, автор романа «По ту сторону» о событиях на

Дальнем Востоке, охваченном огнём Гражданской войны, принёсшего писателю широкую известность [17]. Это произведение впервые было опубликовано в 1928 году, при жизни Виктора Кина вышло несколько изданий, на малой сцене МХАТа шла инсценировка «Наша молодость», в кинотеатрах демонстрировали ужасный детективный фильм, где с героями романа происходило не пойми что и всё кончалось отлично: никто не умирал, партизаны с помощью... Майбы выгоняли из Хабаровска белых и пр. По требованию писателя фильм сняли с экрана, но некоторые кадры сохранились, и в 1958 году съёмочная группа, работавшая над новым фильмом «По ту сторону», от души смеялась, просматривая их.

Кстати, роман вышел и в Лондоне; впоследствии, когда Виктор Кин работал корреспондентом ТАСС за границей, оказалось, что его имя знакомо многим. Однако в конце 1930-х годов писатель был репрессирован, и на книгу наложили запрет. Вновь роман был издан только в 1956 году. Исповедальная, написанная со страстной убеждёностью, с душевным горением книга стала настоящим бестселлером эпохи хрущёвской оттепели. Молодёжь буквально зачитывалась романом, поэтому было принято решение об экранизации книги. В 1958 году на экраны вышел художественный фильм режиссёра Фёдора Филиппова «По ту сторону». Однако лента, к сожалению, оказалась только бледной иллюстрацией первоисточника. Зато на уровне авторского шедевра в кинокартине оказалась «Песня о тревожной молодости», написанная композитором Александрой Пахмутовой на слова Льва Ошанина и душевно исполненная Юрием Пузырёвым, сыгравшим, кстати, одного из главных героев — Виктора Безайса.

В основу романа «По ту сторону» легли личные воспоминания писателя. Дело в том, что 8 октября 1921 года Центральный комитет Российского коммунистического союза молодёжи принял решение откомандировать сотрудника отдела печати РКСМ, журналиста Виктора Суровикина, в буферную Дальневосточную республику, а уже 24 октября 1921 года он выехал в свою долгую дальневосточную командировку. Направляясь в Приамурье, Виктор Кин занёс в свой дневник замечательные слова: «У меня нет ни сожаления, ни раздумья о том, что я бросил спокойную, сытую жизнь в Москве и еду неизвестно куда, за тысячи вёрст, где люди ходят, закутавшись в шкуры, где трещат сорокаградусные морозы».

В 1921–1922 годах Виктор Кин — секретарь Нерчинского уездного комитета РКСМ в Забайкалье, затем секретарь Свободненского и Бочкарёвского уездных комитетов комсомола Амурской области. Он был постоянно в

работе, а вокруг него кипела жизнь, возникали и получали разрешение всё новые и новые вопросы. И всё-таки этому беспокойному человеку всё время чего-то не хватало, ему казалось, что он занят не самым главным делом. Сохранились два его заявления в Забайкальский и Амурский обкомы РКСМ с просьбой откомандировать его в действующие партизанские отряды, в самую гущу сражений. Он был уверен: пока идёт вооружённая борьба с контрреволюцией, он должен быть её непосредственным участником.

В сентябре 1922 года мечта Виктора Кина сбылась: он получил командировку в Приморскую область, где партизанская война была в самом разгаре. Проложив в одиночку без карты и компаса многокилометровый пеший переход (от Анучино до Клёновки и далее до Кондратеевки, 180 вёрст по тайге), сильно изранив ноги, комсомолец появился в эпицентре партизанского движения. Во время пути Виктор Кин каждую минуту рисковал напороться на белогвардейскую заставу или на шайку снаряжённых японцами хунхузов. Однажды он встретил тигра. «Но тигр — это ничего, — говорил ему хозяин одной из явочных квартир. — А вот двуногие тигры — это хуже».

К этому времени Гражданская война на востоке России приближалась к концу. 15 октября 1922 года бойцы Народно-революционной армии, ведомые командармом Иеронимом Уборевичем, взяли Никольск-Уссурийский. 25 октября без единого выстрела был освобождён Владивосток. Забайкалье, Приамурье, Приморье вошли в состав РСФСР.

Пребывание на Дальнем Востоке дало писателю очень многое. Именно здесь он встретился и на всю жизнь подружился с замечательными людьми, активными участниками партизанского движения: Константином Антоновым, Ипполитом Ситковским, Виктором Шнейдером. Здесь он прошёл своё последнее подполье, ещё больше укрепил волю, «отшлифовал» характер, получил те неизгладимые впечатления, которые позднее легли в основу его романа «По ту сторону». Над книгой Виктор Кин работал долго и увлечённо. Тогда ещё писатель трудился в газете, и на прозу ему оставались лишь ночи. Многочисленные варианты, многие из которых сами по себе звучали великолепно, но не вписывались в общую композицию романа, он складывал в папку с полусутоливой надписью «Потерянное время».

Талант писателя проявился в первую очередь в том, что в романе «По ту сторону» нет второстепенных персонажей. Каждый образ вылеплен так, что его видишь как живого, понимаешь, какую роль он играет в повествовании. Созданный им образ скупщика пушнины, покровителя браконьеров Жуканова запоминается надолго. Это враг, и очень хищный враг,

прикрывающийся маской «благонамеренного» обывателя, который предал героев-коммунистов однажды и готов предавать вновь и вновь. И поэтому один из главных героев, Антон Матвеев, был прав, решившись в этой сложной обстановке обезопасить себя и своих товарищей от предателя, хотя и нелегко далось ему это решение, непросто было привести справедливый приговор в исполнение. И как заповедь звучат слова Матвеева: «Есть порода людей, которые всегда норовят остаться чистенькими... Такие люди бесполезны, потому что подвиг бывает у человека один раз в жизни, а чёрная работа — каждый день...»

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин¹ (1909–1961) [10] — дальневосточный писатель, талантливый журналист, художник, мастер книжной иллюстрации и газетной карикатуры, автор знаменитого героико-приключенческого романа «Сердце Бонивура», посвящённого событиям Гражданской войны в Приморье. Всё начиналось как повесть для юношества, которая увидела свет в годы активного формирования пантеона советских героев²: впервые она была опубликована в 1944 году в дальневосточном альманахе «На рубеже». Образ комсомольского вожака Виталия Бонивура, зверски замученного дальневосточными бандами белогвардейцев, родился как нельзя вовремя. Писателю в буквальном смысле заказали полноценную книгу о нём. В

1 О его интересной, полной самобытного творчества жизни рассказывают документы, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края: Ф. Р-1691 (фонд «Отдел по делам искусств Хабаровского крайисполкома»), Ф. Р-1738 (фонд Хабаровского краевого отделения Союза писателей России), Ф. Р-1745 (фонд редакции газеты «Тихоокеанская звезда»).

2 Со второй половины 1930-х гг., особенно в годы Великой Отечественной войны, советское руководство активно работало над созданием государственной идеологии. И здесь очень важно было найти опорные для духа человека героические образы патриотов, отверженных главной идее — идее единого, общенародного государства. И хотя настоящий подвиг зачастую неказист, не эффектен, а в момент его совершения и вовсе не похож на подвиг, всё же при ближайшем рассмотрении на конкретный момент и в конкретной ситуации он может оказаться подвигом, даже великим подвигом. Идеология законно приукрашивала, в чём-то преувеличивала детали настоящего подвига. Именно в этом и состояла её главная задача — создавать запоминающиеся образы подвига и героя. При этом образы героев не есть ложь, но есть народный идеал. И ещё один важнейший момент: схожие подвиги (особенно на войне) совершали многие люди. Если возвеличивать всех, то подвиг растворится в обыденности. Поэтому те, кто формировал идеологию и образы Октябрьской революции, Гражданской войны и Великой Отечественной войны, своей волей выделяли из сотен героев, совершивших схожие подвиги, одного и именно ему воздавали великие почести, уважая при этом подвиги других. Таков закон природы и идеологии. Причём не важно, кто первым совершил такой подвиг, важно только признание первенства за избранным идеологами героем. Бесспорно, здесь много случайного и субъективного, но этот случайный выбор есть неизбежная данность во имя приоритета идеала [9].

последующие годы автор доработал и расширил повесть, которая превратилась в большой роман в трёх частях, в котором появился канонический образ героя. Кстати, книга выдержала более 30 изданий, была переведена на множество иностранных языков и надолго стала любимой книгой советской молодёжи. По роману «Сердце Бонивура» режиссёр Марк Орлов снял одноимённый четырёхсерийный фильм (1969), премьера которого состоялась 21 октября 1969 года ко Дню рождения комсомола.

У литературного персонажа был реальный прототип — Виталий Борисович Баневур [3]. Согласно имеющимся архивным документам, он родился в Варшаве в 1902 году в еврейской семье. Отец его, Борис Залманович, был ювелиром, мать, Анна Наумовна, — домохозяйкой. Родители придерживались левых взглядов, отец, предположительно, был связан с Бундом. Когда началась Первая мировая война, Баневуры перебрались в Москву, а после падения царизма предпочли переждать смуту во Владивостоке. В ходе этих переездов отец из истории семьи исчез (что с ним случилось и когда — не известно). На Дальний Восток, в город-порт Владивосток, в августе 1917 года приехали только Виталий вместе с матерью и сестрой Лидией.

После окончания 8-го класса Владивостокской мужской гимназии (1919) Виталий решил учёбу не продолжать: он увлёкся политической деятельностью и ещё весной 1918 года вступил в Союз учащихся социалистической интеллигенции. Два года спустя он вступил в Революционный коммунистический союз молодёжи (РКСМ). В начале ноября 1920 года во Владивостоке состоялся первый областной съезд молодёжи Приморья, который избрал первый областной комитет комсомола и делегатов на III съезд комсомола в Москве. В числе делегатов был и Виталий Баневур.

После меркуловского контрреволюционного переворота в мае 1921 года Виталий Баневур был оставлен во Владивостоке на подпольной комсомольской работе. В 1922 году его мать и сестра эмигрировали, а Виталий полностью отдался подпольной работе. По решению руководства он устроился работать на станцию Первая Речка. В её депо белые собирали бронепоезда для отправки в Японию. Баневур организовывал стачки, аварии — всё, что могло помешать осуществлению планов белогвардейцев. За эту и предшествующую деятельность за голову комсомольца-мятежника была назначена награда, поэтому оставаться в городе было опасно. Летом 1922 года областное бюро Приморья направило Виталия Баневура в Никольск-Уссурийский район, в комсомольско-молодёжный партизанский отряд имени Карла Либкнехта, для усиления воспитательной работы.

В июне 1922 года Япония объявила об эвакуации своих войск из Приморья, после чего началось наступление Народно-революционной армии. В сентябре Дальбюро РКП(б) приняло решение в занятых белыми и интервентами районах тайно провести съезды крестьянских уполномоченных с бедняцко-средняцким активом. Съезды должны были избрать комитеты по установлению советской власти в Приморье. На 13 сентября такой съезд был намечен в деревне Кондратеновка, где Виталий Баневур обеспечивал его охрану. Предатель сообщил белогвардейцам в Уссурийск о проведении такого съезда, и они направили туда свои карательные отряды, схватившие Виталия Баневура. В течение нескольких дней он подвергался страшным пыткам. А 17 сентября его вывели за деревню и зверски убили. Он был похоронен партизанами 20 сентября в том же селе [6; 15].

Чем же комсомолец Виталий Баневур так привлёк Дмитрия Нагишкина? Сомнительно, чтобы фамилия могла сыграть в этом какую-либо роль, да и в архивах писатель вряд ли копался. Скорее всего, всё дело в избирательной памяти. В газете «Комсомольская правда» за 29 октября 1925 года был опубликован документальный рассказ писателя Виктора Павловича Кина (Суровикина) о мученической гибели партизана Виталия Баневура, у которого, ещё живого, белогвардейцы вырезали сердце³. Возможно, что факт жестокого убийства молодого комсомольца ещё тогда, в середине 1920-х годов, поразил Дмитрия Нагишкина. И когда он задумал новую приключенческую повесть, позднее переросшую в большой героический роман, эта история и послужила стержнем сюжета.

Так, благодаря писательскому таланту Дмитрия Дмитриевича Нагишкина литературный герой Виталий Бонивур вывел из небытия погибшего юношу, который вошёл в пантеон советских героев. И сегодня уже не имеет значения, какие подвиги совершал реальный Виталий Баневур и совершал ли он их на самом деле, поскольку литературная биография и киновоплощение завоевали необычайную популярность и давно воспринимаются как данность.

Можно ли говорить об «объективности» отображения реалий революций и Гражданской войны в художественной литературе? Думается, что в точности отображения бытовых деталей сомневаться не приходится. Столь же реалистично авторы воспроизводили образы массового сознания тех лет. Как бы то ни было, ни один исторический документ не передаёт так осязательно мятущийся «дух» того времени, как художественная литература постреволюционного периода. А без осознания психологических или даже

³ В 1965 г. в издательстве «Советский писатель» вышла книга В. П. Кина «Избранное», в которую вошёл этот рассказ под названием «Годовщина» [11].

ментальных оснований революционной эпохи всякая работа историка становится бессмысленной.

Необходимо отметить, что анализ многочисленных художественных произведений и воспоминаний, посвящённых Гражданской войне в целом или на окраинах бывшей Российской империи, позволяет сделать вполне определённый вывод, что революционные потрясения оправдали ожидания очень немногих левых и анархистствующих авторов. Однако многие из них увидели в произошедшем не классовую логику, а традиционную русскую смуту, правда, не лишённую обновляющего содержания. Отсюда подспудная готовность последовать за «победителями от истории» — большевиками, точнее, за их идеализированным героем. Власть и творческие элиты сблизились на идее «исторической неизбежности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев, Л. Н. Европа в опасности / Л. Н. Андреев // Скорбь Земли Русской : сб. ст. 1920 г. — Нью-Йорк, 1920. — С. 5–7.

2. Андреев, Ю. А. Революция и литература : Октябрь и граждан. война в рус. совет. лит. и становление соц. реализма (20–30-е гг.) / Ю. Андреев. — 3-е изд., доп. — Москва : Худож. лит., 1987. — 397, [2] с.

3. Баневур Виталий Борисович. — Текст : электронный // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Улицы Хабаровского края рассказывают... — URL: <https://gakhkk.khabkrai.ru/streets/gv/62194/> (дата обращения: 13.12.2024).

4. Бузник, В. В. Русская советская проза двадцатых годов / В. В. Бузник ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. — 279 с.

5. Бунин, И. А. Избранное / И. А. Бунин ; сост. и авт. вступ. очерка А. Н. Архангельский. — Москва : Молодая гвардия, 1991. — 318 с.

6. В боях за Советское Приморье : из героического прошлого Приморской комсомольской организации // Красное знамя. — Владивосток, 1938. — 21 окт. (№ 243). — С. 2.

7. [Виктор Павлович Суровикин (Кин)]. — Текст : электронный // Бороглебская централизованная библиотечная система. Краеведение. — URL: <https://bgocbs.ru/kraevedenie/rekomendatelnye-spiski/1516-viktor-pavlovich-surovikin-literaturnyj-psevdonim-kin-1-14-1-1903-stantsiya-novokhopersk-voronezhskoj-gub-21-aprelya-1938-v-zaklyuchenii> (дата обращения: 16.12.2024).

8. Газданов, Г. Вечер у Клэр / Г. Газданов // Газданов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1 : Вечер у Клэр. История одного путешествия. Полёт. Ночные дороги. — Москва : Согласие, 1999. — С. 113.

9. Ерёмин, В. Банивур / В. Ерёмин. — Текст : электронный // Проза.ру : портал. — URL: <https://proza.ru/2023/09/01/246> (дата обращения: 13.12.2024).

10. Журналист, художник и писатель Д. Д. Нагишкин. — Текст : электронный // ГАХК. — URL: <https://gakhkk.khabkrai.ru/news/zhurnalist-khudozhnik-i-pisatel-d-d-nagishkin-/?ysclid=m4jzk6aqbu879536648> (дата обращения: 11.12.2024).

11. Кин, В. Избранное / В. Кин. — Москва : Совет. писатель, 1965. — 392 с. — URL: http://lib.ru/RUSSLIT/KIN_W/feliet.txt (дата обращения: 16.12.2024). — Текст : электронный.

12. Кин, Ц. О Викторе Кине / Ц. Кин. — Текст : электронный // Кин В. Избранное. — Москва : Совет. писатель, 1965. — URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/kin/pre.html> (дата обращения: 16.12.2024).

13. Красноармейский фольклор / под ред. проф. Ю. М. Соколова ; сост. В. М. Сидельников. — Москва : Совет. писатель, 1938. — 208 с.

14. Миронец, Н. И. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник / Н. И. Миронец. — Киев : Выща шк., Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1988. — 175 с.

15. О гибели комсомольца Баневур // На рубеже. — 1937. — Кн. 5. — С. 38.

16. Скобелев, В. П. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов : к проблеме народного характера / В. П. Скобелев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. — 341 с.

17. Тросман, Г. Роман «По ту сторону». Виктор Кин, 1928 год / Г. Тросман. — Текст : электронный // Lenin Crew. Литературный обзор. — URL: <https://lenincrew.com/on-the-other-side> (дата обращения: 16.12.2024).

18. Фадеев, А. О советской литературе / А. Фадеев // Литературная газета. — 1949. — № 18. — С. 1.

19. Якимова, Л. П. Повести Леонида Леонова 20-х годов о революции и Гражданской войне как жанрово-тематический и семантико-поэтический цикл / Л. П. Якимова ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. — 254, [1] с.